

Трудолюбие, обязательность, чувство локтя - вот что всегда отличало николаевцев. Они работали, растили детей, защищали Родину, когда призывал долг.

Вячеслав Сухнев,
писатель, журналист, г.Москва

Роль глаголов в речи

Виктор ГУРА
ХЛЕБ ДА СОЛЬ!
История слободы Николаевской

*Хлеб да соль! С таким присловьем испокон веков входил крестьянин в дом ближнего. Входил с низким поклоном и с уважением к труду хозяина и, если был в нужде, не оставался без крова, хлеба и соли.

А приходилось ли вам видеть Волгу в ледоход? Льдины идут сверху лавиной, плывут дружно, но им уже тесно, они торосятся, взбираются друг на друга, ломают бока, раскалываются, вздыбливаются, и мощный гул стоит в округе. Потом он стихает, и только слышится шорох мелких ледяных осколков. Река вздрогнула в последний раз и встала, а в майнах еще плещется холодная свинцовая волна.

Травы в тот год буйствовали, чуть ли не в рост человеческий вымахали, и острующие, как бритвы, косы вгрызались в самую гущу спутанных водой и ветром трав, ходили в дурманно-сочных зеленях, выговаривая:

-Вжиг, вжиг, вжиг

И видел Верька, как кружились над взмокшими головами косарей шмели и осы, как темнели рубахи меж лопаток, как падала, падала, падала только что стеной стоявшая трава...

В полдень тянулись к становью совсем взмокшие косари, раскидывали в тени брезенты и садились обедать. Вздремнув самую малость, косари уходили к своим наделам, и вновь кружилась под ногами земля, падала трава под косою полукружьями, а солнце медленно сползало с выси к горизонту, из огненно-жёлтого становилось красноватым и уже не жгло нещадно, как в середине дня. Косари возвращались на становье совсем без сил, падали в наспех сооруженное ложе и засыпали, чтобы утром продолжать свое привычное дело.

Вот и настала пора спросить, почему я так долго и обстоятельно рассказываю об этом? Может быть, я отдаляюсь всё больше от главного в рассказе, а не приближаюсь к нему? Собирался, дескать, о предках рассказывать, о родине своей, а мелет околесицу...

Я-то знаю, что иду последовательно к своей цели, но пока, чтобы напрямик ответить на твои вопросы, нетерпеливый читатель, я хотел бы сам спросить тебя, знаешь ли ты свою родину так, чтобы сказать, не задумываясь, где и когда возникло поселение, в котором ты живешь?

Вот и я, изучив вдоль и поперёк многие архивы и редкие книги, не могу ответить на этот вопрос однозначно. А задумывался ли ты, мой читатель, что это «молодчики заволжские», выплывшие из Камышинки? Может быть, деды-прадеды говорили тебе, как называлась Воложка, на которой они жили, как называется остров, против устья Камышинки, отделивший слободу от основного русла Волги-матушки?

Маша так понравилась Верьке, что после скрытного подглядывания он начал стесняться её. Девочка была чистенькая, ухоженная и такая общительная, что Верьке хотелось скорее привыкнуть к ней, но её огромные, нездешней глубины глаза с добрым потайным блеском продолжали смущать. Он не мог открыто и спокойно смотреть в эти глаза, тонул в их глубине и терялся, когда Маша простодушно, с детской непосредственностью смотрела на него.

По дороге домой мама спросила Верьку:

- Понравилась тебе Маша?

Верька молча кивнул.

Вольготно расположились в саратовских степях калмыцкие кочевья, облюбовав пастбища по притокам Волги, по Еруслану и Торгуну. Выходили к Саратову на торги с русскими, добирались до Самары и нападали на слабо защищенные русские города, переходили Волгу по льду и чинили набеги на «крымскую сторону», спускались в астраханские степи и охотно кочевали там по правой стороне Волги. Но однажды, уже в семидесятых годах XVIII века, тысячи калмыцких кибиток под водительством хана Убаши покинули саратовские степи так же неожиданно, как и пришли на них.

...было известно, что прадед мой Петр Данилович Гура родился в этих краях где-то в самом начале тридцатых годов девятнадцатого века. Отец его - Данила - оставался загадкой, только через него можно было узнать, откуда пришли мои предки за Волгу.

Прадеда Петра я еще застал в живых, видел его уже столетнего, истощенного от голода, но в узлах костей еще крепкого. Он одиноко доживал свои дни в крохотной мазанке где-то у самого кладбища, а по воскресеньям приходил к нам поддержать свою затухающую жизнь, крестился на несуществующие образа, молча садился за стол, не торопясь, с достоинством ел и, низко поклонившись, уходил. Дом свой, что стоял в переулке за церковью Александра Невского, у самого обрывистого берега Воложки, он давно уже поделил между двумя сыновьями.

Народ у перекрестка зашевелился, зашептался. Потом закричали:

-Нюрку Горушкину кличуть, Орыныч зовёт!

Кто-то из ребят подтолкнул Верьку, и он, поторапливаясь, подошел к самой клетке, в которой стоял на коленях крупный чужой человек, с открытой лысеющей со лба и уже с проседью головой. Глянув в глубоко запавшие глаза, Верька смутился. Он не знал этого человека, а только слышал, двигаясь за клеткой:

- Матерь поклычь, збигай поклычь! Ты же Горушкин сын?

- Маманя в пекарне работает, булочки печёт. Батяня в Царицын уехал.

-Скажи матери, что дид Сизоненко просыв хлиба с силью. Хай до переправы принэсэ. Раскулачили менэ, в Соловки везуть, як бандита.

* Дом.зад.: Сочинение «Роль глаголов в речи»